

В.О. ПУЧКОВ

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ПРАВОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЗНАЧИМОСТЬ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ

***Аннотация.** В статье излагаются логико-методологические и теоретико-правовые основания исследования понятийно-терминологического аппарата как фрагмента действительности теоретической юриспруденции. Обосновывается значение понятийно-терминологических исследований для разрешения проблем демаркации, теоретико-правовой концептуализации феноменов цифрового общества и методологической оптимизации теоретико-правовых исследований. Показывается, что в методологических контекстах современного правоведения сложились посылки для не изолированного, а синтезного рассмотрения понятий и терминов в правоведении в рамках понятийно-терминологического аппарата как единого комплекса.*

***Ключевые слова:** понятие, термин, методология, юридическая наука, цифровизация, языковое мышление, юридический дискурс.*

CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS OF JURISPRUDENCE IN THE DIGITAL AGE: SIGNIFICANCE, THEORY, METHODOLOGY

***Abstract.** The article presents the logico-methodological and theoretico-legal foundations for studying the concepto-terminological apparatus as a fragment of theoretical jurisprudence reality. The study substantiates the significance of concepto-terminological studies for solving the problems of demarcation, theoretical-legal conceptualization of the phenomena of the digital society and methodological optimization of theoretico-legal research. The author shows the methodological contexts of modern jurisprudence to premise the synthetic development of concepts and terms in jurisprudence within the framework of the concepto-terminological apparatus as a single complex.*

***Keywords:** concept, term, methodology, legal science, digitalization, linguistic thinking, legal discourse.*

История человеческого познания есть история формирования понятий и их терминологического отражения в широком понимании. Известно, что всякое знание о мире, закрепляясь в мышлении в качестве абстрактного

понятия, нуждается в логико-языковом выражении, в придании ему качества единицы дискурса. Такую функцию применительно к понятиям выполняют термины, что оправдывает их рассмотрение в соотношении с понятиями как формы и содержания соответственно [19, с. 219–220; 23, с. 56; 50, с. 17; 58, р. 312; 66, р. 150]. В данном восприятии образование понятий и их терминологическое выражение — неотъемлемые свойства всякого познавательного процесса (в первую очередь — научно-познавательного), что, в свою очередь, предопределило существенное внимание к данным проблемам со стороны философии и конкретных наук.

Понятийно-терминологическая проблематика в современном правоведении

Показательно, что на понятийно-терминологический аспект общей проблемы человеческого познания обратил внимание уже Платон. Рассматривая соотношение понятий и терминов в контексте познавательного процесса, великий философ справедливо отмечал: «Несвойственно разумному человеку, обратившись к именам, улаживать свою душу и, доверившись им..., утверждать, будто он что-то знает» [39, с. 501].

Позволим себе констатировать, что предостережение Платона далеко не всегда принимается во внимание учеными. Во множестве наук — как естественных, так и гуманитарных — легко обнаружить подмену сущности явления, требующей понятийного выражения, простой номинацией, следствием чего становятся фундаментальные теоретико-методологические ошибки. Этому есть ряд показательных примеров.

В *теоретической физике* объектом критики стала теория редукции волновой функции. Основанием неприятия этой концепции является положенное в ее основу понятие об измерении, которое взято не в методологических контекстах (в них измерение есть ни что иное, как сравнение с эталоном), а интерпретировано буквально — как взаимодействие между исследуемым объектом и средством наблюдения. На этом основании утверждалось, что «волновая функция... при измерении претерпевает... изменение, обусловленное вмешательством наблюдателя, его воздействием на объект» [18, с. 357]. Этот постулат впоследствии стал фундаментом теории редукции волновой функции. Подвергая данный тезис жесткой критике, ученый-физик А.И. Липкин отмечал, что его методологическая неверность «связана с игнорированием принципиальной разницы между процедурами измерения (и приготовления) как „внетеоретическими“ элементами..., используемыми в физике, и явлением (взаимодействием) как объектом теории» [29, с. 82]. Тем самым, некритичное отношение к исходному понятию стало основанием построения методологически некорректной физической теории.

В *социогуманитаристике* предпринимаются попытки объяснения общественных явлений положениями второй теоремы К. Гёделя. Согласно ей

формальная теория, в отношении которой утверждается о ее непротиворечивости, предполагает существование такого предположения, которое не может быть ни доказано, ни опровергнуто в рамках самой этой теории. При этом отечественный математик Л.Д. Беклемишев отмечает, что в теореме Гёделя речь ведется о неполноте «теорий множеств, специально созданных для аксиоматизации всей математики» [7, с. 64]. Поскольку вторая теорема Гёделя описывает функционирование формальной системы, ее применение в исследовании социальных систем существенно ограничено (если это возможно в принципе).

Однако в современных социально-гуманитарных исследованиях нередко обнаруживаются попытки обоснования того или иного положения теоремой о неполноте. Так, С.А. Карелина на страницах учебного курса по конкурсному праву утверждает: «Применяя теоремы Гёделя о неполноте к правилам банкротства, можно сделать вывод: если мы хотим, чтобы в системе банкротства не было противоречий, мы должны согласиться с тем, что периодически будут возникать ситуации, которые не будут подпадать под правила (действия) существующих норм» [36, с. 49]. Очевидно, что к основаниям такого вывода вторая теорема Гёделя не имеет никакого отношения, хотя бы потому, что конкурсное право не отвечает признакам формальной, аксиоматической системы.

Другой пример подобного некритичного восприятия математической терминологии являет собой статья А.Э. Вайно по проблематике теории управления, в которой утверждается: «Теорема К. Гёделя о неполноте... показывает невозможность выбора лучшей системы, структуры конструктивного пространства для непротиворечивого описания поведения сложного объекта» [10, с. 42]. Нетрудно заметить, что здесь автор пытается механически перенести теорему о неполноте на область управленческой теории, не учитывая, что вторая теорема Гёделя описывает проблему формального доказательства, формирующегося в области арифметически закодированного синтаксиса. Вместе с тем синтаксическая форма социальной системы, во-первых, не отражает ее целиком и, во-вторых, не поддается арифметической кодировке, а, значит, вывод о состоянии этой системы не может быть сделан на основании «гёделевского парадокса»¹. Таким образом, попытки представителей социально-гуманитарных наук обосновать свои выводы положениями формальной математики являют собой ни что иное, как неоправданный перенос математических терминов на область социогуманитаристики, осуществляемый без учета их исходного понятийного основания².

¹ Х. Патнэм обосновывает невозможность экстраполяции математических утверждений на область объективного мира тем, что «математика... модальна, а не экзистенциальна» [64, р. 530]. О проблеме модальности при математическом обосновании законов объективной реальности см.: [49, с. 200–205].

² О других примерах некорректного использования терминов из метанаучных областей знания в социогуманитаристике см.: [13, с. 77].

Изложенное выше показывает, что понятийно-терминологические разработки в методологии науки имеют значение по крайней мере в трех смыслах. *Во-первых*, они играют большую роль в разрешении проблемы демаркации научного и вненаучного знания. В этом контексте интерпретация знания в качестве *научного* зависит от того, соответствует ли методология образования его понятийных форм и специфика их терминологического выражения нормам современного научного познания.

Во-вторых, от разработанности учения о понятийно-терминологическом аппарате современной науки зависит ее способность к концептуализации новых явлений и процессов в природе и культуре. Например, согласно выводам К.В. Анохина и Т.В. Черниговской, построение теории сознания требует синтетического подхода, в контекстах которого сознание рассматривается не только с позиции традиционных категорий нейрофизиологии, но и в социокультурных, гуманитарно-понятийных контекстах [3, с. 41; 52, с. 17].

В-третьих, значимость понятийно-терминологических исследований для науки в целом состоит в том, что они, являясь одним из способов методологической рефлексии научного знания, тем самым обращаются к процедурам его получения и способны выработать предложения по их оптимизации и рационализации. Изложенное, таким образом, обуславливает *актуальность понятийно-терминологических исследований в общенаучном аспекте*.

Конкретно научный аспект актуальности разработок подобного рода также обусловлен рядом факторов. Прежде всего в их числе следует назвать внутринаучные тенденции развития теоретико-правового знания. Известно, что представителями методологического направления в правовой науке постсоветская юриспруденция критиковалась за ее «увлечение» специально-практическими разработками в ущерб вопросам общей теории и методологии права [43, с. 93]. Характерные установки начала века о том, что «правовые теории, не позволяющие решать проблемы в суде, никому не нужны» [47, с. 20], определяли основной вектор юридических исследований по крайней мере до начала 2020-х годов.

В то же время социокультурный контекст развития современной правовой науки, заданный прежде всего реалиями высоких технологий и динамики социальных институтов, оказал определенное влияние на интенсификацию методологических (и прежде всего — понятийно-терминологических) разработок как в теоретико-исторических, так и в отраслевых юридических науках. Свидетельством тому может быть появление специальных монографических исследований, посвященных понятийному аппарату в отраслевых науках (к примеру, информационного [40] и коммерческого права [5]), разработок по проблемам языка и дискурса правоведения [12; 41]. Отсюда представляется оправданной оценка современной отечественной юриспруденции как области знания, которая в настоящее время все чаще обращается к собственным теоретико-методологическим и знаково-знаниевым основаниям.

В данных контекстах общеметодологическая концептуализация понятийно-терминологических проблем юридической науки является для последней актуальной и своевременной.

Другим фактором, определяющим актуальность настоящего исследования в конкретно научном аспекте, является специфика правотворчества и правореализации. В контекстах научного обеспечения нормотворческой деятельности и реализации права всегда востребованной остается *методологическая культура научного исследования, подразумевающая четкое различие понятия (идеальной по своей сути единицы теоретического знания) и термина (элемента эмпирического, символично-знакового выражения знания)*.

Логично заметить, что отечественный законодатель активно включает в тексты нормативно-правовых актов дефинитивные нормы, а в ряде случаев — непосредственно задействует понятийно-терминологический аппарат юридической науки. В связи с этим ученым-юристам важно держать в фокусе внимания проблему трансформации юридических понятий и терминов, которые осуществляют «транзит» из сферы науки в практику законотворчества и реализации права. Достаточно отметить, что в правоприменительной практике активно задействуется учение об общих и специальных нормах права, теоретические основания которого зачастую непосредственно излагаются в судебных актах³. Существенную роль в развитии правоприменительной практики сыграли и теоретические представления о диспозитивных и императивных нормах права в контексте метода гражданско-правового регулирования⁴. Кроме того, понятийно-терминологические основания общего учения о юридической норме нашли свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда об оспаривании нормативно-правовых актов⁵.

В этом контексте заслуживает внимания и практика нижестоящих судов по конкретным делам, которые все чаще обращаются к понятийно-терминологическому аппарату правовой науки для целей правотолкования. Таковы, например, позиции отечественных арбитражных судов относительно

³ См., например: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2002 г. № 60-П02 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2021 г. № 308-ЭС20-18927 по делу № А25-755/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. № АКПИ20-632 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ См., например: пункты 2–4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

эластичности залога как основания российского залогового права⁶, секундарных прав⁷, процессуальной доктрины стандартов доказывания⁸ и тому подобного.

Было бы обоснованным считать, что в этих условиях методологическое обеспечение научного познания права становится фактором, обуславливающим эффективность правового регулирования и правоприменения, точность выражения правовых форм и актов разъяснения законодательства. Отсюда, в свою очередь, актуализируются и разработки, посвященные понятийно-терминологической проблематике современного правоведения.

Об актуальности понятийно-терминологических исследований правоведения в конкретно научном смысле свидетельствует и социокультурный контекст развития современного правоведения. Речь идет о всеобщей цифровизации социально-экономических процессов — о новых явлениях, опосредуемых развитием информационно-телекоммуникационных технологий и потому нуждающихся в теоретико-правовом анализе. Это такие феномены, как искусственный интеллект, смарт-контракты, криптовалюты, виртуальное имущество и другое. Следует констатировать, что практика научных исследований и законотворчества, как правило, идет по пути «подведения» данных явлений под ту или иную юридическую конструкцию на основании терминологического соответствия («валюта» — «криптовалюта», «имущество» — «виртуальное имущество» и т.п.). Следствием такого отношения, как будет показано далее, становится нивелирование объективной сущности таких явлений, *подмена их содержания логико-языковой формой*.

В социально-экономической практике такое отношение порождает целый ряд проблем, связанных, к примеру, с правовым сопровождением сделок на рынках криптоактивов, с уголовно-правовой квалификацией противоправного присвоения (хищения, вымогательства и т.д.) цифровых объектов и в целом с развитием цифрового сектора национальной экономики. Успешность решения обозначенных проблем в связи с изложенным находится в непосредственной зависимости от степени научной проработки понятийных форм и терминологического выражения соответствующих феноменов цифрового пространства в позитивном праве и правоведении. Достижение этой цели в то же время не представляется возможным вне обращения ученых-юристов к понятийно-терминологическим проблемам правоведения.

⁶ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 апреля 2022 г. № Ф09-3883/17 по делу № А60-27425/2016 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 марта 2022 г. № Ф05-17161/19 по делу № А40-58845/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 октября 2020 г. № Ф08-7808/20 по делу № А32-12456/2018 // СПС «Консультант Плюс».

⁷ См., например: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2021 г. № 08АП-12595/2021 по делу № А46-216/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ См., например: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31 мая 2022 г. № Ф02-1469/22 по делу № А19-18119/2020 // СПС «Консультант Плюс».

Логико-эпистемологические и общеметодологические начала проблематики современного правоведения

Как утверждается в современной методологической литературе, построение научной концепции предполагает необходимость рефлексивного отношения к познаваемому объекту *в плане методологии*, — принципов, условий и форм его исследования, философских оснований, научно-познавательных методов и методологических подходов [38, с. 38]. Этот подход, на мой взгляд, оправдывает непреложность рассмотрения актуальных представлений о понятийно-терминологическом аппарате юриспруденции в методологическом контексте.

По свидетельству П.А. Флоренского, проблема понятия и термина первоначально формируется в логике как в направлении философских исследований: именно логическая интерпретация понятия, как единицы формальной системы мышления, а термина — как элемента суждения, *выражения формального языка, обозначающего объект* [20, с. 23], что задает в дальнейшем основания для разработки учения о понятийно-терминологическом аппарате в конкретных науках [46, с. 193]. Однако нельзя не обратить внимания на то, что «формальная логика отвлекается от интересующих грамматику особенностей языковых выражений мысли, а грамматика оставляет в стороне изучаемый формальной логикой вопрос о логической структуре мысли» [48, с. 8]. Здесь формализация предполагает единство означаемого (объекта или понятия) и означающего (термина), иными словами — отсутствие какой-либо вариативности в интерпретации понятий и терминов, которая в науке невозможна [34, с. 159–160].

Тем не менее философско-логическая интерпретация понятия и термина нашла свое отражение и в отечественном правоведении. В.Д. Катков констатирует, что юриспруденция, не имея разработанного учения о собственном понятийно-терминологическом аппарате, механически заимствует соответствующие представления из логики и общей философии [22, с. 81, 129–130]. В дальнейшем в советской юриспруденции указанный подход укрепляется вследствие фундаментального влияния марксистской традиции на юридическую методологию. В связи с этим, как утверждал в 1965 году М.С. Строгович, «трактовать научные юридические понятия надо так, как марксизм трактует вообще научные понятия, т.е. как... логическую форму» [44, с. 26]. Аналогичное мнение высказывает А.М. Васильев: «...изучение и оценка понятийного аппарата теории права, — пишет он, — составляют содержание логических проблем правоведения. Поэтому теория права может рассматриваться как специфическая „прикладная логика“, выражающая в содержательном плане своеобразие логических форм мышления правоведения» [11, с. 49]. Впоследствии — уже в современный период развития отечественной правовой науки — Е.Н. Кузнецов констатирует: «Под правовыми категориями понимаются специфические для юридических наук логические

формулы (свойственные теоретическому мышлению)» [26, с. 13]. При этом соответствующие представления справедливо критикуются в теоретико-правовой литературе как неоправданно односторонние [6, с. 46].

Исключительно логическую интерпретацию понятийно-терминологического аппарата в юриспруденции подвергают критике и представители зарубежной теории права. Г.Л.А. Харт в статье «Определение и теория в юриспруденции» (англ. — «*Definition and Theory in Jurisprudence*») отмечает, что в большинстве случаев концепции теоретических понятий и терминологии в правовой науке строятся на некритическом восприятии идей логического анализа [59, р. 37–47]. Он утверждает: язык правоведения представляет собой взаимосвязанную систему терминов и теоретических понятий, описывающих правовую действительность и формирующих системное представление о правовом; по его мысли, сведение сущности понятий и терминов в правоведении к узко-логическим аспектам нивелирует специфику понятийно-терминологического аппарата правовой науки и в целом редуцирует методологическое отношение к соответствующей проблематике [27, с. 16–21].

Из изложенного следует, что устоявшаяся в методологическом направлении современного правоведения концептуализация понятийно-терминологического аппарата основана преимущественно на философско-логических представлениях.

Однако отношение к понятиям и терминам правоведения как к *исключительно логическим* феноменам требует соответствующего отношения к правовой науке, как к формальной системе (поскольку учение о понятии и термине традиционно принадлежит предмету формальной логики, сфокусированной на разработке формальных систем) [30, с. 21, 83, 92; 33, с. 60]. Характеризуя логическое учение о понятиях и терминах, А.Л. Субботин делает следующее замечание: «...та или иная логическая структура, те или иные логические связи и отношения свое полное и конкретное выражение могут найти лишь в контексте развернутого изложения некоторой формально-логической системы, системы, которая исходит при моделировании содержательного логического процесса (умозаключения, доказательства или даже строения той или иной научной теории) из определенных... формальных методов исследования» [45, с. 91].

В то же время согласно данным философии характеристика юридической науки как формальной системы предполагает абстрагирование от смысла ее терминов — единиц научного языка, аксиоматизацию правил употребления данных терминов, что в связи с этим означает необходимость выражения научно-юридического знания в символической системе [25, с. 59–60]. Невозможность аксиоматизации языка правоведения, правил употребления теоретических понятий и научных терминов препятствует узко-логическому рассмотрению понятийно-терминологического аппарата юриспруденции [60, р. 221].

Как говорил А.Ф. Лосев, логическая интерпретация термина и понятия в науке не может осуществляться *per se* — вне синтеза различных философско-методологических подходов и дискурсов [31, с. 661]. Тем самым, если считать научные понятия и терминологию правоведения явлениями, имеющими только логическую (формально-логическую) природу, то границы методологического анализа науки о праве определяются той степенью, в которой юриспруденцию можно представить в качестве формальной системы [24, с. 26–27, 265–275, 308–317]. Препятствием соответствующей методологической процедуре становится отмечаемая в философской литературе специфика понятий и терминов социогуманитаристики (в том числе и правовой науки); например, обусловленность содержания того или иного понятия и его терминологической формы содержанием и терминологическим выражением других понятий, изменчивость понятийно-терминологического аппарата и прочего⁹.

По замечанию дореволюционного юриста Ю.С. Гамбарова, «...юридические понятия суть не простые логические категории, а живые исторические образования, которые возникают из социальных отношений и, лишь после своего возникновения, овладеваются юридической диалектикой, напрасно приписывающей себе привилегию творчества на эти образования» [14, с. 6]. Изложенное объективно ограничивает возможность формализации юридической теории, следовательно, — и пределы логической интерпретации научных понятий и терминов в правоведении [65, р. 260]. Здесь значимо следующее замечание А. Шюца: «Все формы... логического эмпиризма рассматривают социальную реальность как изначальную данность, как соответствующий объект социальных наук. Интерсубъективность, взаимодействие, межличностная коммуникация и язык не проблематизируются, выступая непроясненным основанием этих теорий. Они исходят из предположения, что социальный теоретик якобы решил свои фундаментальные проблемы еще до того, как приступил к научному исследованию» [54, с. 10].

Примечательно, что данное обстоятельство неоднократно отмечалось в практике международных судов, в частности, Международного суда Организации Объединенных Наций (далее — Международный суд), который, согласно статье 38(1)(d) его Статута¹⁰, при разрешении конкретных дел среди прочего использует и национальные теории публичного права. В контексте изложенного, разрешая дело о делимитации морской границы и территориальных разногласиях между Катаром и Бахрейном (*Qatar v. Bahrain*¹¹), Международный суд отметил, что теоретическое понятие об особых обстоятельствах (англ. — *special circumstances*) нельзя — ни в научно-методологических,

⁹ Подробнее об этом см: [1, с. 147–164; 35, с. 135–140].

¹⁰ Statute of the International Court of Justice, 18th April 1946 // United Nations Treaty Series. 1946. Vol. 33.

¹¹ Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (*Qatar v. Bahrain*), 2001 I.C.J. Reports 40 (Mar. 16).

ни в специально-практических смыслах — свести к единой и непротиворечивой логической форме, поскольку определение содержания данного понятия как в теории, так и в правоприменительной практике должно быть вариативным и оцениваться с точки зрения всех возможных контекстов употребления [57, р. 14–15].

При этом ранее, обращаясь к понятию угрозы в национальных теориях уголовного гуманитарного права, Международный суд в своем консультативном заключении по вопросу о законности угрозы применения или непосредственного использования ядерного оружия пришел к выводу, что соответствующее понятие нельзя свести к точному набору признаков, позволяющих судить о существовании ядерной угрозы. Суд подчеркнул, что логика построения научно-теоретических понятий и терминологии (как в целом, так и применительно к рассматриваемому вопросу) не тождественна традиционной формальной логике¹². Отсюда, как утверждает Ж.-Л. Бержель, правовая наука «противостоит любым попыткам... алгебраической формализации» [9, с. 471].

В заданном контексте следует отметить, что логико-философское понимание понятий и терминов — не единственная форма их теоретической концептуализации. В частности, специфическое учение о понятии разрабатывается в психологии [28, с. 378–385], а теория термина — в лингвистике [15]; синтезные представления о понятии и термине формируются в современной нейронауке [51, с. 5; 53, с. 36; 62, р. 52]. Кроме того, в методологиях конкретных наук исследуется проблематика их собственного понятийно-терминологического аппарата как феномена *научного познания*. Следовательно, сами слова «понятие» и «термин» не имеют единообразного значения, поскольку соотносятся с различными исследовательскими областями [42, с. 28].

Методологическое рассмотрение понятийно-терминологического аппарата правоведения зависит от исходных представлений о понятии и термине, которые при этом могут быть не только логическими; как отмечал Л.И. Петражицкий, «...делу образования понятий по самой его природе присущ логический круг, но его наличность не мешает тому, что по мере продолжения основанных на нем исследований устанавливаемое понятие получает все новые подтверждения и научное обоснование» [37, с. 43].

Характерно, что сам Л.И. Петражицкий описывает современную ему концепцию понятийно-терминологического аппарата правоведения исходя из *психологических представлений* о природе последнего [37, с. 49–50, 60, 65, 87–88] в юриспруденции, утверждая, что «образование понятий происходит на почве не специально практических, а общих привычек называния. ...Лежащая в основе соответствующих исследований вера в существование какой-то

¹² Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: International Court of Justice Advisory Opinion of 8 July 1996, 1. I.C.J. Reports 1996.

особой природы у всех таких объектов, которые называются данным именем, во многих конкретных случаях не соответствует действительности. И это в особенности относится к наукам, имеющим дело с абсолютно- или относительно-психологическими понятиями и именами, так называемым гуманитарным и общественным наукам...» [37, с. 60]¹³.

Таким образом, исходная концептуализация понятия и термина (логико-философская, психологическая, лингвистическая) обуславливает существо методологического подхода к исследованию данных феноменов в пространстве научно-юридических исследований. В связи с этим, характеризуя понятийно-терминологический аспект современного правоведения, Ю.М. Горячковская приходит к обоснованному выводу о том, что единые и методологически согласованные представления о данном феномене в современной юриспруденции не сформированы [16, с. 406].

На этом основании усматривается необходимость построения единой теоретико-методологической концепции понятийно-терминологического аппарата юридической науки. Предпринимая соответствующую попытку, мы исходим из следующих исходных утверждений (посылок), основанных на предварительном рассмотрении сопутствующих проблем.

Первая посылка. Применение формально-логических методов и концепций в исследовании понятийно-терминологических проблем правоведения ограничено той степенью, в которой юридическая теория может быть формализована и представлена в виде формальной системы. Логическая форма понятия требует его сведения к некоторому утверждению о свойствах познаваемого правоведением объекта. Вместе с тем как «свернутая теория» научное правовое понятие отражает право не как строго формализованный объект, а в качестве социокультурного интерсубъективного феномена, не ограниченного только сферой позитивного права, а потому, помимо собственно утверждения, содержит в себе гипотезы, идеи, онтологические допущения, то есть исходные основания.

В исследованиях по логике отмечается невозможность формализовать ряд общественно-научных (в том числе и юридических) понятий [21, с. 28]. Например, определяемое в юспозитивистских контекстах понятие «закон» может быть формализовано и представлено в формально-логическом виде; в то же время теоретико-правовые понятия о государственной власти, источнике права, правовом состоянии, типологии правового регулирования, многие понятия отраслевого правоведения (о чести и достоинстве — в науке гражданского права; об общественной опасности — в уголовно-правовой науке; о конституционном строе — в конституционно-правовой теории и проч.) практически не поддаются формализации. Однако методологически продуктивен логический взгляд на понятие как на единицу теоретического мышления, так как соответствующая установка фиксирует основные

¹³ О концептуализации понятия и термина с точки зрения психологии см.: [63, р. 98].

акценты понимания юридической науки как концептуально-теоретического пространства, нетождественного отражаемому объекту.

Вторая посылка. Формирование представлений о понятийно-терминологическом аппарате правоведения опосредует необходимость синтеза теоретических представлений о сущности понятия и термина, другими словами — привлечения концептуальных схем из логико-философских, психологических и филологических дискурсов, а также данных самой юридической науки. Обобщение теоретического материала из различных областей знания позволит сформировать целостное и всестороннее видение понятийно-терминологического аппарата правоведения как методологического феномена в структуре научного познания права.

Третья посылка. Акцент на комплексном исследовании понятий и терминов в правоведении означает, помимо прочего, необходимость их рассмотрения в единстве и взаимосвязи, сферой проявления которых становится *научный дискурс юриспруденции*. Исходным моментом здесь являются представления о том, что понятийно организованное юридическое мышление и терминологически структурированный язык правоведения формируют пространство юридического знания и познания в условиях *имманентного единства*. Понятия правовой науки, лишённые терминологической формы, остаются единицами *нев्यраженного знания*; термины, лишённые понятийного основания, выступают *формой без содержания*. Иными словами, юридический язык и научное юридическое мышление нераздельны, не существуют друг без друга и образуют функциональную целостность для целей методологического исследования юридической науки.

Здесь актуально обращение к понятию «языковое мышление», впервые разработанному в отечественной философии Г.П. Щедровицким [56]. Следуя идеям В. фон Гумбольдта [17, с. 97–99]¹⁴, он рассматривает мышление как содержательное основание языковых форм, приходя к выводу об их нераздельности: «...приступая к исследованию мышления или языка как проявления мышления, мы не можем взять уже в исходном пункте язык и мышление отделёнными друг от друга, а должны взять единое, выступающее какой-то своей стороной на поверхность и внутренне ещё не расчленившееся целое, содержащее в себе язык и мышление в качестве сторон. Мы будем называть это целое „языковым мышлением“, подчёркивая тем самым его внутреннюю нерасчленённость» [56, с. 56].

Применительно к предмету настоящего исследования, изложенное означает, что *рассматривать понятия и термины в юридической науке с позиции их функционально-диалектического единства, которое в системном аспекте образует понятийно-терминологический аппарат юридической науки, методологически оправданно*. Обращая внимание на данное обстоятельство, Н.П. Асланян отмечает наличие теоретических разработок по проблематике

¹⁴ О роли языкового мышления в научном познании государства и права см.: [8, с. 63].

понятий в юриспруденции и констатирует их односторонность в том смысле, что в соответствующих исследованиях практически игнорируются *терминологические аспекты* [4, с. 6]. Между тем, по образному выражению ученого, «правовая наука живет в языке» [4, с. 6], в связи с чем обращение к понятийным аспектам юридического научного познания, не подкрепленное исследованием научной терминологии в правоведении, неспособно в полной мере раскрыть существо проблемы и выработать средства ее разрешения. Есть смысл считать, что познающее государство и право юридическое мышление является *языковым мышлением*, и что его понятийные и терминологические структуры нераздельны.

Изложенные выше исходные методологические посылки обуславливают построение концепции понятийно-терминологического аппарата правоведения как структурно-функциональной *целостности*, в контекстах которой понятия и термины правоведения не существуют изолированно друг от друга, а образуют эпистемологический комплекс в контекстах научного юридического знания и познания.

Список литературы

1. Алексеев Б.Т. Философские проблемы формализации знания. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1981.
2. Анисов А.М. Современная логика. М.: Институт философии Российской Академии Наук, 2002.
3. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1.
4. Асланян Н.П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы VI ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21–22 сентября 2017 г.). Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017.
5. Бажина М.А. Понятийный аппарат транспортного права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2022.
6. Баринов П.С. Обесценивание правовых категорий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019.
7. Беклемишев Л.Д. Теоремы Гёделя о неполноте и границы их применимости // Успехи математических наук. 2010. Т. 65. Вып. 5(395).
8. Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 63.
9. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000.
10. Вайно А.Э. Капитализация будущего // Вестник экономики и права. 2012. № 46.

11. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976.
12. Веденеев Ю.А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022.
13. Винник Д.В. «Эпистемический искупитель»: свод приемов легитимации бессмыслицы // Философия науки. 2016. № 3(70).
14. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911.
15. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.
16. Горячковская Ю.М. Понятия и категории как правовые средства // Научный альманах. 2015. № 11–4(13).
17. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984.
18. Джеммер М. Эволюция понятий квантовой механики. М.: Наука, 1985.
19. Ермакова А.В. Природа термина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». 2018. № 2.
20. Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.
21. Ивин А.А. Импликации и модальности. М.: Институт философии Российской Академии Наук, 2004.
22. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903.
23. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Наука, 1965.
24. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Шабашниковы, 1916.
25. Клини С.К. Введение в метаматематику / Пер. с англ. А.С. Есенина-Вольпина; под ред. В.А. Успенского. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
26. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография / Е.Н. Кузнецов; Урал. гос. юрид. ун-т им. В.Ф. Яковлева, каф. гражд. процесса. М.: Статут, 2022.
27. Лёзов С.В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: научно-аналитический обзор. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии Наук СССР, 1986.
28. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
29. Липкин А.И. Две методологические революции в физике — ключ к пониманию оснований квантовой механики // Вопросы философии. 2010. № 4.
30. Лисанюк Е.М. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д-ра филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015.
31. Лосев А.Ф. Хаос и структура / Сост. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого, общ. ред. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Мысль, 1997.
32. Маковельский А.О. История логики. Жуковский; М.: Кучково поле, 2004.
33. Маркин В.И. Учение Е.К. Войшвилло о понятии: значение и перспективы // Логические исследования. 2014. № 20.

34. Маторин С.И., Зимовец О.А., Щербинина Н.В., Сульженко Т.С. Концепция формализованной теории систем, основанной на подходе «Узел-Функция-Объект» // Научные ведомости БелГУ. Серия «Информатика». 2016. Вып. 39. № 16(237).
35. Непейвода Н.Н. О формализации неформализуемого // Логические исследования. 2001. Т. 8.
36. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019.
37. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Изд. 3-е. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908.
38. Пископпель А.А. Научная концепция: структура, генезис (историко-методологические очерки развития научного знания). М.: Путь, 1999.
39. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Loseва и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006.
40. Понятийный аппарат в информационном праве / Отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов. Кол. монография. М.: ИГП РАН Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017.
41. Рекош К.Х. Французский язык: право в зеркале его дискурса: Учебник / К.Х. Рекош; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2016.
42. Синелева А.В. Формально-логическое представление семантики и системности терминов философии и логики: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014.
43. Синюков В.Н., Синюкова Т.В. Проблемы обновления методологии юридической науки в России // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: ИД Юриспруденция, 2016.
44. Строгович М.С. Философские основы юридической науки // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев: Изд-во Кишиневского университета, 1965.
45. Субботин А.Л. Смысл и ценность формализации в логике // Философские вопросы современной формальной логики. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962.
46. Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 3(1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачёва), П.В. Флоренского, М.С. Трубачёвой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачёв). М.: Мысль, 2000.
47. Фогельсон Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств. Курс лекций. М.: Юристъ, 2001.
48. Формальная логика. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977.
49. Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск: Нонпарель, 2003.

50. Чернейко Л.О. Философские проблемы языка и лингвистики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 1.
51. Черниговская Т.В. Еще раз о мозге и семиозисе: можно ли найти точку в нейросетях? // Вопросы философии. 2021. № 6.
52. Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. 2021. № 1.
53. Черниговская Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. СПб.: Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова Российской Академии Наук, 1993.
54. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Вестник культурологии. 2003. № 1.
55. Щедровицкий Г.П. «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1.
56. Щедровицкий Г.П. «Языковое мышление» и методы его исследования: дис. ... канд. филос. наук. М.: Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, 1964.
57. Amor B.S. The International Court of Justice and the Law of Sea // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. 2010. Vol. 10.
58. Burge T. Concepts, Definitions and Meaning // Metaphilosophy. 1993. Vol. 24. No. 4.
59. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70.
60. Haynes D.N. The Language and Logic of Law: A Case Study // University of Miami Law Review. 1981. Vol. 35.
61. Manthey F. Die Sprachphilosophie des hl. Thomas von Aquin und ihre Anwendung auf Probleme der Theologie. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1937.
62. Pereira A., Jr. Representation in Cognitive Science // Understanding Representation in Cognitive Sciences: Does Representation Need Reality? / Ed. by A. Riegler, M. Peschl, A. von Stein. New York: Kluwer Academic, 1997.
63. Pillsbury W.B. The Concept in Psychology // L'année psychologique. 1949. Vol. 50.
64. Putnam H. What is Mathematical Truth? // Historia Mathematica. 1975. Vol. 2.
65. Spector H. The Future of Legal Science in Civil Law Systems // Louisiana Law Review. 2004. Vol. 65.
66. Vater H. Wort und Begriff- eine terminologische Klärung // Das Deutsche von innen und von außen. Ulrich Engel zum 70. Geburtstag / Hrsg. von Kaṭny A. und Schatte Ch. Posnań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1999.